

ЗЕМЛЯЧКИ

Евдення направила обед челядятам, собрала их да повела на улицу. Засиделися в избе-то, пушай промнутца.

На лавочке сидела ишо одна гуляльщица. Евдення подсяла к ней.

День добрай, суседка! Тоже с челядью выползла ли ково ли? Давно сидишь?

Давненька. Подсобираваюсь уж домой. Им вить хоть сколь в избу не заташшишь... Из мочи-вышла бегать за имя...

Ты, родима, не здешна? Не ангарска ли? По разговору-ту какэсь бытто оттуль.

Да как не ангарска? Всю жись на Ангаре прóжили. От Кежем сто километров. На Дворце. Да как ты тоже оттуль ли чё ли? Вай, мамы родимы, я уж об наших-то дó смерти стоскнулася! Тутака с робятами ковды выползу, да как поразговаривать не с кем. Вот и переспрашивают, вот и подсмеиваютца. Дёскать не по-ихному .. Не ндравитца имя..

Не бай, дефка. Оне ково понимают, городски-то? Это мы из одной Ангары воду пили – все свои. А ты чья дворецка-то будешь? Я там полно народу-то знавала. Но-ка повернись лицом-ту ко мне! Ва-ай, да как ты не Валентина ли, Дуни Леваняччей внучка? Бытто на Михаила со шшеки-то пошибашь...

Гляди-ка ты, признала... Ну дак на лицо-то я вся в тятю. У тебя обличье тоже знакомо. А спомнить никак не могу...

На Дворце-то мы не долго прóжили, однако года полтора. Ты ишо небольшенька была. Потом на Болтурин уехали. Евдення я. Так-ту должна меня помлить, наша-то изба как раз против вашей стояла, окошко в окошко.

Ва-ай, мамы родимы! Счас вижу, што ты! Ради Христа, сколь годов-ту не видались? Да как ты откуль взялась? Живёшь тут, ли ково ли?

Не-ет, мы никуды не поехали... Старику-то без рыбалки життя нету. Докуль, грит, ползаю, никуды не пошевелюсь..

Опроведать ребят приехала, стало быть?

Ково боле-то? Самим-то всё нековды... А нонче садик прикрыли на всё лето. Направляют да красят. Деньжонок на нянькю-то неоткуль взять. Как петух жареной клюнул живо про мамку спомнили. Не двадни доставали меня суды! Даром што далёко, на своёй легговушке по меня явились, не то што чево...

- А мне девка меньша, Любка, вёснуь поднаўмила посидеть с челядью, в садике-то скрось хворают. Счас, говорит, всех вас с ребятнёй увезём до места. В деревне-то не скоре ли окрепнут...

- Н-н-но, а мне Варюша однако ишшо в третьем годе сказывала, тебя бытто суды перевезли. О-о-й все, говорит, бабёнки-то иззавидовались... Мы вить эдак-ту сроду не живáли воду не таскать, дрова не колоть... В избе теплотышша, зимой и то напрохóт окошки отворяют... По лесницам пешком ползать не нады, лифт ли хто ли подымат! Уборна в дому!!! Ково ишшо нады? Омманула Варюша-то? Евдення присяла рядом с Валентиной. Поглядела, куды убежали её Женька с Лёнкяй.

Дак вот, умом-то наготово ладилась уехать... Перву зиму нарадоватца не могла Маруся с семьёй рядом живут. Уж через день да каждый день оне у меня. Ходили за мной, не поверишь, што за барыней... А к весне стала примечать, как на сонцесходе, всё мне мерешшитца, бытто черёмушкой опахнуло... Кину глаза-то на окошки - кака черёмуха?! Одне тучи и видать... Так и пошло, дале боле... Вот сделался нёмил белой свет! На крыльях бы улетела домой! Да всю-то вёсну прохворала... Думаю с тоски. Поглядели-поглядели на меня нады везти обратно... Я как услышала, што домой поеду, дак одыбыватца стала...

Раз избу не продала, ежжай. Ково сделаешь? Видать, тебе тут не климатйт.

Мы и без климату не вековечны. Хоть сколь бодрись, а восподь и нас приберёт.

Каждому свой строк.

Здоровышко, дас Бох, наладитца, дак ребят на лето ко мне возить будут... У Татьяны с Катериной молочко со сметанкой буду брать, да отпаивать их после городских продуктов.

- Ты не одичала ли? За две-то зймы однако всех коров вывели! Я тоже подумываю... Чижало держать стало... Из-за одново сена раззорисься! Накосить - нанимать нады, привезти - нанимать нады. Молоко-то в копеечку стаёт! Да счас и в сельпе всяково хватат...

Валентина махнула рукой:

Сельповско-то на молоко нисколь не находит, из ково ево толька и делают? Я уж нашто люблю чай молочком забелить, а с сельповским пить не могу. Ну нету дак нету... Я чё-то не спрошу - твои-то которы тут бегают? Бóльшиньки или ишшо нехто?

Евдення показала на своих:

Каки больши-то? Са́ма по́кось одному пять, другому семь годов. Желуніцы, один другово башше. Весь-от денёшенек в избе реви́шша!.. Наповадилісь музыку заводить – какэсь хоть уши затыкай!

И у нас это же место. Несколь играть не умеют, никак не слушаютьца... То оне чикотя́тца да хохочут, то ші́ньгяют друг дружку, докуль не раздерутца. Тово и гляди - глаза в́ытычут! Никак мир не берёт! За́ день-от с нима нареве́сса, к вечеру голова несколько не варит...

Не бай, дефка! Мои-то ишшо рисовать учатца... Дак уж как краски в руки попали – облеква́сятца с ног до головы, одёжу никакими судьбами отстирать неможнó! И стены все испятна́ют! Вот и не знашь, куды с нима деватца. Тоже не шибко слушаютьца...

У Валентины отлегло от сердца. Она-то вся испереживалась об внучатах – в ково выродились еки неуёмны? Из них хто дóбро-то вырастет? А счас поглядела да послушала - у людей-то нисколь не башше... Городской-от народ – не чета деревенским... Все нёрвенны... Потом пораскинешь мозгами-то, дак ё́сколь народишшу да машин – как с ума не сойдёшь?!

То и есь... На Дворце-то малённе, накормила их завтриком, да спровадила на улицу хочь не дичайте оне! А в городе-то, лешак ево поведи, одних никуды не выпустишь. Всё караулить нады. А их хто укараулит? По земле несколько не ходят, им по вершинам скакать нады... Не успем вытти, возьмутца прятатца от меня. А я их где найду, ковды я на лавке сижу под дверью и с места пошевелитца боюсь?! Домá-то Христовы - все на одно лицо. Я где потом у лешака фатеру-то свою искать буду?

Евдення тоже из мочи вышла с непривычки:

Не бай! Народишшу ужась! По тратувару-то одне туды, други суды! Друг с дружкой нихто не здороватца.. А уж машин-то, машин! мамы родимы - однако со всево свету нагна́ли! Одна за одной задперёд снуют, успевай гляди, как бы мои облезьяны на дорогу не выскочили да под колёсья не попали... А оне нарачі́ бегают, пужают меня. Дак я за всю жись естоль седых волос не нажила, сколь за эту неделю... Гляди-гляди, ково вытворя́т! На берёзе сидит, да ишо и кобенитца, сволота!

Заревела ему:

Лёнька, всё отцу обскажу! Пушай в угол ставит!

Лёнька выпялил язык и перелез на другу ветку. Нарачи перелез, штобы баушка бадогом не достала.

- Мне бы с нима дома-то как не легче, ково и говореть... Дак зять некак не отпускает, дескать вы их за лето исповадите, не знам потом ково с нима делать какэсь што дики приежжают! А большому-то нонче в школу идти. Как ево поведёшь, раз он никакovo запрету не понимает?

Едак-едак... У нас это же место... Старик-от живой был, дак слова против сказать не давал. Оне у нево с шеи не сползали. Один на нём верхом сидит, другой за колени имат, шагнуть не даёт. Дедушка ишшо думат на мотоцикле ехать оне уж обои напередё сидят! Раз гляжу, причаливают на моторке старик в носу сидит, а эти желуницы двоём правят. Думай-ка! А как на бревно наскочат?! Я самово-то всево изругала... Не одичал ли? Долго ли перевернуться? Сам сжабатца и ребят утопит!

Я своёво-то старика толька што не бую, а с нево как с гуся вода знат похохатыват... не башше челяди!

- Дак опять старики-то и учат их всякому мужичьему делу. За каку бы работу он не взялся, оне уж тут как тут. И молотком стучают и ножовкой пилат. Дедушкины помощники...

Едак-едак, в городах-ту их хто учить будет? Отцов толька за столом и видят. Вот и дичают!

Валентина заозиралась. Петька с прутом бегал за каким-то парнишкой, а меньшей из виду пропал. Куды успел деватца?! Она было собралась идти искать, да тут Славкина кепка промелькнула на клумбе. Слава Бох, никуды не убежал. Она успокоилась, повернулась к Евденне:

У нонешной челяди-то никакой буднишной одежонки нету. На улицу в добром бегают. Все рубашонки-то уж до чево марки! А он вишь ково выделыват? В цветках на карачках ползат! Нет бы на качуле покачатца... ни рубаху, ни трусы не знатко! Мать-ту опять до ночи стиратца будет, тут баушка бросила глаза на Славкины ноги и обмерла. Но-ка, беги суды! Ты где эдак стегно-то убил? Всё синим-синё... Ково матери-то скажем?

Евдення успокоила:

Ково ревьешь? Было бы больно, не ползал бы по цветкам.

Она подвинулась к Валентине, показала рукой:

Гли-ка, эвон под кустом в синих трусишках мой Женька. Думаешь ково делат? Букар собирает да в коробок из-под серянок садит. Крадчи

собирает, чтоб я не видела... дома пужать будет. Знат, што я эту страмоту боюсь до смерти... Варнак, не на белой свет! Исхвостала бы ремнём! Задеть нельзя... Ой мамы родимы! Там не твой на заплоте-то виситца?

Валентина из-под руки пригляделась:

Чей ишшо туды попадёт, кроме моёво? — заревела, Ох ты, лихо-манка, тебе ково там нады?! Ворота́-то по́лы стоят, а ты почево черезь-ту ползёшь? Вай тошно мне-ка, однако завязи́л ножонку-то, нады выручать! Валентина подхватила юбку и побежала к парнишке.

Набегу́ доревела:

Ну, до завтра, стало быть! Нады имать, докуль не убился, да в избу вести. По времю-то уж, однако, ись отошшали.